

Сяо Цинму поднял руку и налил ему вина. Лу Цяньтан снова украдкой взглянул на него, не понимая, что он задумал.

Один из сидящих рядом молодых людей засмеялся:

— Четвертый принц лично наливает тебе вино, генерал, ты действительно важная персона.

Лу Цяньтан нахмурился, но промолчал, думая про себя: «Ваш четвертый принц еще и купает меня, вот бы ты испугался».

Только они начали смеяться и болтать, как к ним подбежал слуга, сказав, что князь ищет наследника, и Цянь Ли должен немедленно вернуться.

Князь Сяньань был известен своей строгостью, и, видимо, именно из-за этого его сын вырос таким своевольным.

Цянь Ли явно не ладил с отцом, недовольно бросил бокал и, извинившись, ушел.

Пока они пили, рука Лу Цяньтана, лежащая на рукояти меча, внезапно была схвачена. Он вздрогнул, на мгновение замер, чувствуя неловкость. Подняв взгляд, он увидел, что тот выглядел совершенно спокойно, словно ничего не произошло.

Лу Цяньтан слегка дернулся, чувствуя тревогу, боясь, что кто-то заметит, но рука только крепче сжала его, и даже слегка потерябила, словно намеренно дразня.

Лу Цяньтан не осмелился пошевелиться, лишь слегка сжал его пальцы.

Сяо Цинму внезапно взял бокал и поднес его к лицу Лу Цяньтана. Тот инстинктивно потянулся, чтобы взять его, но бокал отодвинулся.

Лу Цяньтан с недоумением посмотрел на него. Его Высочество князь Цзинь смотрел на него с полной уверенностью, снова поднося бокал к его губам. Лу Цяньтан был в замешательстве, не зная, стоит ли брать его, и на мгновение замер.

Его Высочество оглядел присутствующих, словно их дыхание мешало ему, и остальные, поняв намек, быстро поднялись и вышли, чтобы полюбоваться дождем.

Сяо Цинму взглянул наружу, убедившись, что никого нет, и, не успев заговорить, Лу Цяньтан уже выпил вино из его руки, улыбаясь и глядя на него.

Сяо Цинму потянул его к себе, так что тот упал на него, и спросил:

— Весело?

Лу Цяньтан, пытаясь удержать равновесие, спросил:

— Что?

— Встречаться на глазах у других, — князь Цзинь ущипнул его за ухо. — Весело?

Лу Цяньтан почувствовал, как сердце его ёкнуло, и попытался подняться, опираясь на его плечо:

— Не очень.

Сяо Цинму надавил на его поясницу, снова заставив его опуститься, другой рукой взял его за подбородок и поцеловал.

Лу Цяньтан испугался, пытаясь уклониться, но Его Высочество тихо сказал:

— Все ушли, чего бояться, давай, поцелуй меня.

Лу Цяньтан, оглянувшись, чтобы убедиться, что никого нет, снова прижался к его губам, а затем спросил:

— Зачем ты это устроил, что-то хотел сказать?

Снаружи беседки лил сильный дождь, словно водяная завеса, и шум дождя, ударяющего по листьям лотоса, создавал ощущение полной изоляции от внешнего мира.

Сяо Цинму посмотрел на него, медленно поглаживая его волосы:

— В последнее время Его Величество часто задерживает меня, дел много, сегодня вечером я не смогу быть с тобой.

Лу Цяньтан кивнул:

— Это все?

Сяо Цинму хотел что-то сказать, но остановился, снова появилось то выражение, которое заставляло Лу Цяньтана чувствовать себя неловко. Он погладил его лицо:

— Почему ты в последнее время так извиняешься передо мной, это непривычно.

Сяо Цинму повернулся и поцеловал его руку:

— Если ничего не изменится, в начале июня тебе придется уехать, и я не знаю, смогу ли проводить тебя.

Лу Цяньтан почувствовал, будто в его сердце ударили барабаном, оставив пустоту. Он молчал некоторое время, затем сказал:

— Ты и не должен провожать, связываться с нами — не лучшая идея...

Сяо Цинму нахмурился:

— Лучше бы ты остался в Ляньгуне, сейчас ты ни там, ни здесь.

Лу Цяньтан схватил его за руку:

— Что за глупости... Я еще не расстроился, а ты уже начал.

Сяо Цинму опустил глаза, его обычно пронзительный взгляд был омрачен непонятной досадой.

Лу Цяньтан наклонился и поцеловал его:

— Ты скучаешь по мне?

Сяо Цинму раздраженно ответил:

— Конечно.

Лу Цяньтан улыбнулся:

— Ты уговорил Его Величество перевести меня в Сухуай, у тебя есть план? Я рад, если могу помочь.

Сяо Цинму посмотрел на него с недовольством:

— Совсем забыл о деле — это все из-за тебя, ты настоящий искуситель.

Лу Цяньтан с невинным видом:

— А?

Ладно, все тот же капризный принц, его точно не подменили.

Указ Сяо Лицуна был издан в ночь банкета. Новый император боялся, что затянется, и другие тоже боялись, что затянется. Лу Цяньтан сам боялся, что его внезапно взорвут, и для него было лучше всего покинуть столицу под присмотром властей.

С наступлением июня Лу Цяньтан покинул Ингао, и отряд всадников в черных доспехах с радостными криками выехал за городские ворота.

Утренний свет июня пришел рано, и мягкий летний свет, обволакивающий утренний бриз, проводил их из этой позолоченной тюрьмы.

Лу Цяньтан никогда не любил Ингао, с первого раза, как он здесь оказался. За годы в «Баньжисянь» он научился льстить и притворяться, днем улыбаясь посетителям, а ночью мечтая о диких травах Лянъяня. Он много раз думал о том, чтобы покинуть это роскошное, но гнилое место, где под маской скрывалось пустое сердце.

Первый раз он уехал поневоле, зная, что путь будет долгим и неопределенным, но он чувствовал лишь пустоту в груди — привыкший к скитаниям, будь то из Лянъяня в Ингао или из Ингао куда-то еще, даже под палящим солнцем он чувствовал лишь жгучий зной, словно никогда не видел своей тени.

Это был второй раз, когда он покидал Ингао, и, вспоминая прошлое, он должен был чувствовать облегчение, но на этот раз он не ощутил радости, и даже добавилось больше грусти.

Лошади, выбегающие из ворот, радостно ржали, но даже самые умные лошади не знали, что они просто покинули одну клетку, чтобы войти в другую.

Лу Цяньтан, мчась на лошади, оглянулся назад. Стены столицы были величественны и прочны, флаги развевались на ветру. Эти стены могли остановить стрелы и пушки, но не могли удержать тонкие нити разлуки.

Лу Цяньтан не мог не почувствовать грусть. Год назад он решительно направил лошадь на запад, тогда его сердце не было привязано, и он прятал его, словно никому не мешая. Теперь же, как черный металл, ударяющийся о нефрит, он почувствовал отголоски и не мог не породить тысячи и десятки тысяч нитей печали и привязанности.

Цинь Хуаньлин подъехал к нему, натянув поводья, и засмеялся:

— Начальник, скучаешь? Все еще смотришь?

Лу Цяньтан не повернулся к нему, лишь показал острый профиль:

— Проваливай.

Цинь Хуаньлин насвистел что-то несерьезное, смеясь на ветру:

— Начальник, Сухуай — отличное место! Слышал о набережной реки Синъянь в городе Гуян? Это же рай на земле!

Лу Цяньтан впервые услышал об этом месте в ночь банкета, когда Его Высочество прижал его в беседке, и теперь ему стало еще более не по себе. Он лишь небрежно кивнул Цинь Хуаньлину.

Цинь Хуаньлин, видя его отсутствие интереса, продолжал:

— Его Величество отправляет нас в Гуян, начальник, я угощу тебя вином! Не грусти, на набережной реки Синъянь полно красивых девушек!

Этот простака не понял, что его утешение только ухудшило ситуацию. Лу Цяньтан взмахнул кнутом, и, если бы Цинь Хуаньлин не уклонился, он бы получил удар по лицу.

Цинь Хуаньлин испугался, отъехал на безопасное расстояние, но все еще пытался заговорить:

— Не злись! Я имел в виду... Сухуай — отличное место! Красивые горы, вода... и вино тоже! Не будь таким грустным.

Лу Цяньтан поднял бровь:

— Я выгляжу грустным?

Цинь Хуаньлин замялся, видя его выражение, которое говорило: «Скажешь еще хоть слово — умрешь». Он засмеялся:

— Нет-нет, я просто... мечтаю, ведь я там не был, только слышал, что в Сухуай все прекрасно, и мне не терпится увидеть.

<http://bllate.org/book/16145/1446074>